

Институт президентства, между прочим, вообще лучше было бы ликвидировать. Но пока он нужен: если при стабильной экономической системе от того, кто избран президентом, мало что меняется, то при ее неопределенности, зыбкости от личности президента во многом зависит, куда же пойдет страна.

Сейчас ситуация в России такова, что ни один из претендентов на президентское кресло из числа деятелей, известных народу, не способен предложить приемлемую для него программу. А те, кто на это способен, — народу не известны, они не могут к нему пробиться и с ним объединиться, ибо не имеют доступа к средствам массовой информации, прежде всего к телевидению. Этот заколдованный круг должен быть разорван. И он, надеюсь, будет разорван.

Интервью Петра Марковича Абовина-Егидеса «Солженицын и Россия: путь к взаимности» читайте на 4-й странице.

Солженицын. Фото Владимира ПАРАДНИ.

Петр Абовин-Егидес хорошо известен читателю «Правды». Мы снова с ним встретились в его небольшой квартире в парижском пригороде Кретей. Поводом для разговора послужила новая работа Петра Марковича. Автор известной книги «Трагедия великого гуманиста» об академике Сахарове заканчивает сейчас книгу о Солженицыне.

— Есть два крайних, я бы сказал, кардинально противоположных мнения о Солженицыне вообще и о его приезде в Россию в частности, — начал разговор П. Абовин-Егидес. — Одну крайность выражал бывший диссидент Александр Подрабинек. В своей «Экспресс-хронике» он возносил Солженицына до небес, высказывая его едва ли не новым пророком: «...Солженицын сам по себе — как целая политическая партия», — пишет Подрабинек. — Солженицын вернулся. Нам повезло...»

— А вторая крайность?

— Ее выражает писатель Эдуард Лимонов. Выступая недавно в «Книжном обозрении» в «АиФ», он неожиданно для Солженицына сарказмом. Я и его процитирую: «Александр Солженицын — разрушитель для России... Нам очень долго не отмечать от этой подрывной работы Александра Исаевича». И, обращаясь к Солженицыну, заключает: «Господин хороший, вы-то, собственно говоря, эту войну (то есть третью мировую) и готовили».

Обвинить Солженицына в подготовке «третьей мировой» — это кощунство. Да, он писал в свое время, что Запад проиграл третью мировую войну, потому что Советский Союз распространял свое влияние на Анголу, Эфиопию, Сомали, Афганистан и т. д. Но это отнюдь не значит, что он ее готовил. Кстати, и тут он оказался плохим пророком. К сожалению, третью мировую выиграл капиталистический Запад, причем без единого выстрела. СССР, как и весь «социалистический лагерь» (Варшавский блок), рухнул из-за ренегатства его собственных лидеров, с помощью доллара.

Впрочем, Солженицын в этом пророчестве сам себя противоречил. То он предрекал Западу проигрыши в третьей мировой, то утверждал, что коммунизм вот-вот рухнет. Это была своеобразная попытка материализовать его ненависть к коммунизму, который Солженицын яростно не приемлет.

Будь по сущи он не о коммунизме говорил: ни социализм, ни тем более коммунизм в нашей стране не были осуществлены, ибо сталинизм с ними несовместим. В нашей стране погиб тоталитаризм (и слава Богу), а не коммунизм вовсе. Об этой гибели никто бы и не жалел. Но беда, что вместо него ельцининство воззвали на Западе, компрадорский капитализм, принесший народу новые неисчислимые бедствия. И то, что Солженицын подобное окопчакивание народа осуждает (в отличие, скажем, от таких бывших диссидентов, как Кронид Любарский или священник Глеб Якунин), говорит как раз о том, что он совершил значительную эволюцию.

Разнобой в оценках Солженицына сбивает публику с толку и не дает ей возможности выработать собственное мнение о нем как о писателе, общественном деятеле, как о человеке. Вот поэтому я и решил написать о нем книгу. О Солженицыне как он есть, без прикрас, но и без поношений...

Я начинаю с анализа его произведений на лагерную тему. Рисуя людей, разделенных деспотическими жерновами, воссоздавая жуткие картины мизантропии лагерных опричников по отношению к миллиям заключенных, обнажая дикие, чисто зоологические отношения в самой лагерной иерархии (между прикурками, работагами, паханами,

ми, шестерками, блатными «в законе», скученными, фраераами, женщинами-шалашками и т. д.), Солженицын показывал, как людей превращали в колличество «голов», наподобие скота. Вместе с тем он проводит лейтмотивом идею: в подлинном человеке убить человека так и не удалось даже Сталину.

К примеру, простой мужик, заключенный Иван Денисович, который сидит действительно за то, ибо его взяли «по разнадривке», для набора дармовой рабочей силы, заканчивает свой рабочий день так:

«Засыпал Шухов вполне удовлетворенный. На дно у него выдалось много удач: в карцер не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену

Шухов клял весело, с поножовкой на шмоне не попался,

подработал вечером у Цезаря и табачку купил, и не заболел. Прешел день ничем не омраченный, почти счастливый...»

На человека, которого к тому же, по выражению Орвелла, «испарили» гулаговские опричники? Только потому, что ареста он был подковаником и коммунистом? Ведь никакой другой причины для очернения этого мужественного человека у Солженицына не было. И после этого, выступая в Гарварде, Солженицын обрушивается на журналистов, публикующих «недостоверные» суждения. Или «то, что позволено Юпитеру, не позволено быку», как говорили древние?

В «Архипелаге» Солженицын описывает стойкость людей религиозных. Но вот о социалистах (в том числе о меньшевиках, эсерах) сочиняет необычно. На эту тему, кстати, еще в самиздатовском журнале «Поиски», который я рекламировал, была опубликована статья Якубовича. Солженицын писал о Якубовиче, который провел 25 лет в лагерях, как о человеке, у которого-то не нашлось мужества

продажи — это не означает землю «отобрать».

Александр Исаевич признает Ленину черты, которых у того и в помине не было: он-де никогда не шутил, друзей не имел, о людях не заботился, относился к ним только потребительски и т. д. Между тем даже Николай Бердаев (а у этого философа, изгнанного после Октябрьской революции из страны, оснований любить Ленина не было) писал, что Ленин любил пощутить, заботился о людях, был европейски образован.

Солженицын же вот как преподносит Ленина-революционера: «Когда все силы интеллигентии в умах употреблены на захват власти, не остается сердечных сил подумать об обещанном рае» и остается лишь «заглатывающая инерция... применять жестокость и насилие». Но это уже совершенная неправда: Ленин терзался вопросом, как обеспечить благополучие народу, и, при всех

спасения России, в частности, проект освоения ее северо-востока, что он считает панацеей. Наконец, касаясь его этических сценций, его отношения к друзьям не могли ничего предложить хорошего народу, честным труженикам.

Вместе с тем я не вижу, к великому моему огорчению, ни одного из оставшихся в живых диссидентов, который мог бы стать президентом, адекватно выразить подлинные интересы людей труда.

Что же касается Солженицына, то он, хотя и проделал определенную эволюцию от сторонника автократии к стороннику демократии, — комок противоречий. Как художник слова эмоционально реагирует на то, что перед его глазами. И видит то, что на поверхности, не вникая в глубинный сущностный слой, обрушивается на следствия, но не доходит до причинного пластика. У него реактивное мышление, что годится для писателя, но не для глубокого мыслителя, каким должен быть политический лидер современной России.

Для того, чтобы управлять такой страной, каковой ныне является Россия, нужна конструктивная программа, которая стала бы ариадиной нитью тех, кто выведет народ из того лабиринта бедствий, из которой, из того омута, куда завел его ельцин.

В своем «Письме вождям» Солженицын писал: «Я готов отослать снять их (свои предложения). — Авт.), если ком-нибудь будет выдвинута не критик остроумная, но путем конструктивный, выход лучший и, главное, вполне реальный...» В свете этого высказывания, что могли бы предложить сторонники социалистического выбора и каким должен быть диссидент-социалист в их числе?

— По моему убеждению, это может быть программа полного самоуправления трудовых коллективов, в которых преодолено отчуждение производителей прежде всего от продуктов их труда, в которых ликвидирован наемный труд, унижающий достоинство человека. Это — программа решительного переключения шлюзов нувориши, возвращения народу из северо-востока, пока все это не захватят китайцы. Вывести его из Европы в Азию, как когда-то вывел Моисей еврейский народ из Египта в Израиль.

А вот четкой социально-экономической программы у него, по-моему, нет.

То он винит во всех бедах все тот же коммунизм, из-под обломков которого Россия никак, дескать, не выберется, то бранит — и весьма резонно — нувориши и культ доллара, культ «наживы». А что же предлагает взамен? Уйти в Сибирь. Вынести русский народ из северо-востока, пока все это не захватят китайцы. Вывести его из Европы в Азию, как когда-то вывел Моисей еврейский народ из Египта в Израиль.

Мы готовы поддержать канцелярию Солженицына в президенты, если он такую программу выдвинет. Тогда и народ помешал бы за них, и великий поворот в истории России, да и всего человечества, был бы связан с его именем. Одним критиком такую глыбу, как Россия, с места не сдвигешь. Иначе Солженицын рискует превратиться в наследника бывшего, о котором будут вспоминать все меньше и все реже.

Институт президентства, между прочим, вообще лучше было бы ликвидировать. Но пока он нужен: если при стабильной экономической системе от того, кто избран президентом, мало что меняется, то

не сказать: поимите же, наконец, Александра Исаевича, что стихия частнокапиталистического хозяйства во всем мире приведет к монополистическим корпорациям со всеми их покорами, против которых вы так верно и так яростно выступаете. Гора ваших обличий в таком случае родит очредную мышь. И только...

И главное — какой социально-экономический строй там будет, в этой новой утопии? Не социализм и не капитализм, говорят нам. Так что же?

Народ русский может быть спасен «ограниченным» капитализмом со средними, а не крупными капиталистами-монополистами? Но тут нельзя не сказать: поимите же, наконец, Александра Исаевича, что стихия частнокапиталистического хозяйства во всем мире приведет к монополистическим корпорациям со всеми их покорами, против которых вы так верно и так яростно выступаете. Гора ваших обличий в таком случае родит очредную мышь. И только...

— А как вы относитесь к идеи самарского филиала «Союза беспартийных», выдвинувшего Солженицына в Президенты России?

— Мне отношение к Александру Исаевичу, как вы, верное, успели заметить, весьма смущено. Я был бы очень рад, если бы кто-то из нашей когорты диссидентов стал президентом нашей многосторонней страны. Это было бы и заслуженно, и оправдано: ведь именно диссиденты, презирая тиару, открыто боролись против тоталитаризма за демократию, тогда как ельцины, гайдары, бурбулисы, явившие

разнобой в оценках Солженицына сбивает публику с толку и не дает ей возможности выработать собственное мнение о нем как о писателе, общественном деятеле, как о человеке. Вот поэтому я и решил написать о нем книгу. О Солженицыне как он есть, без прикрас, но и без поношений...

Я начинаю с анализа его произведений на лагерную тему. Рисуя людей, разделенных деспотическими жерновами, воссоздавая жуткие картины мизантропии лагерных опричников по отношению к миллиям заключенных, обнажая дикие, чисто зоологические отношения в самой лагерной иерархии (между прикурками, работагами, паханами,

Солженицын и Россия: путь к взаимности

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС

Солженицын и Россия: путь к взаимности

все это в прошлом, давно ушло. Ушли? Увы. Лишь сменило форму. Теперь российский народ истязают по-другому. ГУЛАГ растекся по всей стране в виде страшного беспредела. Раздавлены огромные толпы народные. Убийства воспротивились даже плюговому оперативнику, который его вербовал в стукачи под кличкой «Ветров». А отказ от этого Солженицыну не пытались грозить, а всего лишь потерять «привилегии» в «шаре-каре».

Да, у каждого свой потолок смелости, мужества (я, например, сумел вынести долгие тюремные муки, но также физических пыток, наверное, не вынес бы), но кто имеет право осуждать других, если у самого этот потолок не выше?

Солженицын в ряде своих работ и публичных выступлений с особой какой-то ожесточенностью нападает на В. И. Ленина. Чем это это объясняется? Тут, мне кажется, говорят не только свойственный Солженицыну антикоммунизм.

— Да, искалечил Солженицын портрета Ленина и его деятельности, в частности в книге «Ленин в Цюрихе», не выдерживает никакой критики. Чем это вызвано? Прежде всего тем, что свою вполне обоснованную ненависть к тоталитаризму Солженицын перенес на коммунизм, не поняв, что коммунизм и тоталитаризм — антиподы. Не видят он разницы между коммунизмом (это социально-экономическая категория) и большевизмом (а это уже, скорее, стратегическая концепция), испытывая к нему антиподы, и то, и другое. Ну а так как основатель большевизма был Ленин, то вся солженицынская

выступать против вынесения ему смертного приговора, на котором настаивал прокурор. Мне очень не хотелось бы, но я вынужден напомнить Солженицыну, что у него самого ведь не нашлось мужества воспротивиться даже плюговому оперативнику, который его вербовал в стукачи под кличкой «Ветров». А отказ от этого Солженицыну не пытались грозить, а всего лишь потерять «привилегии» в «шаре-каре».

Нет. Первая часть ее, о которой я частично рассказал, отвечая на ваши вопросы, называется «Солженицын как обличитель». И поэтому меня прежде всего интересовали его обличения как сталинизма, существовавшего в СССР системы тоталитарного типа, так и разоблачение им Запада. Анализируя отношение Солженицына к Западу, я пришел к выводу, что, даже прожив долгое время там, он критикует западный образ жизни лишь на феноменологическом уровне, обличает темные, негативные следствия капиталистической системы, но никогда не отвергает ее самое. Более того, основной виной его при этом нападок на Запада, я пришел к выводу, что это не захваты китайцы, но и сама Европа, как когда-то вывел Моисей еврейский народ из Египта в Израиль.

Но как народ загнаты на таинственную? Методом труда, в котором преодолено отчуждение производителей прежде всего от продуктов их труда, в которых ликвидирован наемный труд, унижающий достоинство человека. Это — программа решительного переключения шлюзов нувориши, возвращения народу из северо-востока, пока все это не захватят китайцы. Вывести его из Европы в Азию, как когда-то вывел Моисей еврейский народ из Египта в Израиль.

Но как вы относитесь к идеи самарского филиала «Союза беспартийных», выдвинувшего Солженицына в Президенты России?

— Мне отношение к Александру Исаевичу, как вы, верное, успели заметить, весьма смущено. Я был бы очень рад, если бы кто-то из нашей

когорты диссидентов стал президентом нашей многосторонней страны. Это было бы и заслужено, и оправдано: ведь именно диссиденты, презирая тиару, открыто боролись против тоталитаризма за демократию, тогда как ельцины, гайдары, бурбулисы, явившие

разнобой в оценках Солженицына сбивает публику с толку и не дает ей возможности выработать собственное мнение о нем как о писателе, общественном деятеле, как о человеке. Вот поэтому я и решил написать о нем книгу. О Солженицыне как он есть, без прикрас, но и без поношений...

Я начинаю с анализа его произведений на лагерную тему. Рисуя людей, разделенных деспотическими жерновами, воссоздавая жуткие картины мизантропии лагерных опричников по отношению к миллиям заключенных, обнажая дикие, чисто зоологические отношения в самой лагерной иерархии (между прикурками, работагами, паханами,

и т. д.), Солженицын показывает, что народу не нравится, что он не может к нему пробиться и с ним объединиться, ибо не имеет доступа к средствам массовой информации, прежде всего к телевидению. Этот заколдованный круг должен быть разорван. И он, надеюсь, будет разорван.

Рассматриваю я и его геополитическую концепцию, его вариант урзунного, как я называл, панславизма. Анализируя и другие его рецепты

и т. д.). Солженицын показывает, что народу не нравится, что он не может к нему пробиться и с ним объединиться, ибо не имеет доступа к средствам массовой информации, прежде всего к телевидению. Этот заколдованный круг должен быть разорван. И он